

ТРАГЕДІЯ СЛАВЯНСТВА.

Въ настоящей европейской войнѣ, подъ огнемъ свержающихъ орудій, на аренѣ кровавой борьбы народовъ, исторія столкнула во враждебной встрѣчѣ два великихъ міра—нѣмецкій и славянскій.

Всѣ мы съ трепетнымъ напряженіемъ слѣдимъ за событиями и съ глубокимъ восхищеніемъ наблюдаемъ за героическими подвигами борцовъ за право и свободу и, въ частности, за самоотверженнымъ мужествомъ нашихъ братьевъ—сербовъ. Борьба еще въ разгарѣ, но сквозь мрачную кровавую мглу уже просвѣчиваютъ радужные горизонты для многострадальныхъ славянскихъ народовъ. И подъ вліяніемъ событийъ встаетъ изъ полузабвенія старый славянскій вопросъ. Имя славянъ теперь у всѣхъ на устахъ: люди самыхъ противоположныхъ воззрѣній горячо принимаютъ къ сердцу ихъ судьбу и интересы, говорятъ о нихъ, заботу о славянахъ дѣлаютъ основой своей общественной дѣятельности и политическихъ плановъ.

Но смыслъ грядущаго покрытъ еще туманомъ. Сложный клубокъ запутанныхъ славянскихъ отношеній разворачивается въ цѣлый рядъ ягучихъ вопросовъ. Что день грядущій готовитъ славянству? Какими путями достигнуть того, чтобы обнаженный мечъ принесъ миръ и радость обреченнымъ на трудную борьбу сербамъ и всѣмъ другимъ славянскимъ народамъ? Намъ хотѣлось бы посмотреть на переживаемыя великія событія съ исторической точки зрѣнія, т. е. сдѣлать нѣсколько историческихъ справокъ и наблюденій съ двойкой цѣлью: 1) чтобы показать какъ глубоко таятся въ исторіи корни современной трагедіи, переживаемой славянами и особенно сербамъ, и 2) чтобы

отсюда извлечь себѣ нѣкоторые уроки для нашихъ дней. Правда, уроки исторіи подчасъ оказываются годными лишь для того, чтобы имъ не послѣдовать, а вопросы, возбуждаемые исторіей, больше ставятся ею, чѣмъ рѣшаются. Но наша смѣлость дальше постановки вопросовъ и не пойдетъ: ихъ рѣшеніе находится всецѣло во власти жизни и борьбы...

Болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ славяне въ Европѣ стали постепенно выходить изъ своего племенного безразличія и организовываться въ болѣе или менѣе обширныя государства. Площадь, занимаемая славянствомъ въ то время, была весьма обширна. Во второй половинѣ IX вѣка нѣмецкій народъ занималъ лишь небольшое пространство Европы, и значительная часть его нынѣшней территоріи была заселена славянами. Славянскія племена жили тогда и въ устьяхъ Лабы, и по Балтійскому поморью, и на поляхъ Баваріи, и у береговъ Инна, и на верховьяхъ Дравы, и въ долинахъ Тироля. Если сравнимъ карту Европы IX в. съ картой Европы XX в., со всею очевидностью предстанетъ передъ нами разительная перемѣна въ территоріальныхъ владѣніяхъ нѣмцевъ и славянъ. Вся тысячелѣтняя исторія была постепеннымъ суженіемъ границъ славянской народности и расширеніемъ нѣмецкой территоріи. Продолжавшійся въ теченіе тысячелѣтія *Drang nach Osten* сдвинулъ славянъ съ востока, по болѣе или менѣе вѣроятному подсчету, на 330 тысячъ квадратныхъ верстъ. На землѣ, съ которой вытѣснены славянскія племена, балтійскіе и полабскіе славяне, укрѣпилось ядро Пруссіи, красуются Берлинъ, Лейпцигъ (Липецкъ), Дрезденъ, Вѣна (Видѣнь), Грацъ (Градецъ) и т. д. На поляхъ, покрытыхъ въ IX и X вв., а отчасти и впоследствии, молодой порослью славянскихъ племенъ, на равнинахъ, усыянныхъ славянскими костями, раскинулся вѣтвистый нѣмецкій дубъ...

Параллельно съ суженіемъ границъ славянскаго народонаселенія въ теченіе всего тысячелѣтія наблюдается неуклонное стремленіе нѣмцевъ къ духовному порабощенію и національному обезличенію славянъ.

Съ другой стороны, одно только порабощеніе политическое и нравственное въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ несли съ собою славянамъ съ юго-востока турки.

Въ результатъ тысячелѣтняго историческаго процесса яв-

ляется та печальная, всёю известная, картина тяжелаго политическаго существованія славянскихъ народовъ, которую мы наблюдаемъ въ началѣ XX в.

Окинемъ бѣглымъ взоромъ всю эту картину.

Два великихъ западно-славянскихъ народа, обогатившіе сокровищницу европейской культуры цѣнными плодами своего національнаго творчества, чехи и поляки, лишены своего самостоятельнаго существованія и свободнаго національнаго самоопредѣленія. Еще Грегоръ называлъ положеніе чеховъ „вавилонскимъ плѣномъ“ и сравнивалъ его „съ положеніемъ жертвы во власти вампира“. Польша раздроблена между тремя различными государствами. Чѣмъ парализуется возможность развитія этой народности, какъ одного культурнаго цѣлага.

Не менѣе печально положеніе южныхъ славянъ и всего печальнѣе положеніе сербскаго народа. Историческая трагедія этого народа представляетъ собою одну изъ трогательнѣйшихъ картинъ въ исторіи. Ему суждено было въ теченіе почти пяти столѣтій переносить тяжелое турецкое порабощеніе. „Угнетай невѣрныхъ, пока не смрутся и не заплатятъ поголовной дани“—учить Коранъ, и всею своею силой это предписаніе легло на плечи многострадальнаго народа. Сносить мусульманскій гнетъ для сербовъ было обязанностью, отвѣчать на него—тяжкимъ преступленіемъ. И только та небольшая часть сербовъ, которая составляетъ Черногорію, благодаря природной неприступности страны, изумительнымъ 700-лѣтнимъ подвигомъ отстояла свою полную независимость отъ турокъ.

Но вотъ 110 лѣтъ тому назадъ сербы героически разбили мусульманскіе оковы. Ихъ вождемъ въ началѣ 19 в. былъ дѣль нынѣ царствующаго короля Петра—Георгій Черный, воспѣтый нашимъ Пушкинымъ. Въ концѣ 18-и въ началѣ 19-в., на зарѣ своего возрожденія, сербскій народъ сразу же заявилъ о своемъ національномъ и культурномъ существованіи не только передъ Россіей, но и передъ Европой. Были собраны и изданы высокохудожественныя произведенія сербскаго народнаго творчества, пѣсни, пословицы, сказки: напечатанъ былъ прекрасный сербскій словарь, созданъ сербскій литературный языкъ. Народныя сербскія пѣсни сразу же стали переводить у насъ Пушкинъ, у поляковъ Мицкевичъ, у нѣмцевъ Гете.

Прошлое также свидѣтельствовало о культурныхъ дарованіяхъ этого народа, которыя заглушить оказалось безсильнымъ даже продолжительное турецкое иго. Имѣемъ въ виду: Законникъ Душана, задужбины царей, устойчивый бытовой строй, выразившійся въ задругѣ, демократизмъ, своеобразную красоту старинныхъ обрядовъ.

Вся исторія сербовъ была чрезвычайно полезна для всей Европы. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ они, вмѣстѣ съ другими южными славянами и греками, своей грудью защищали Европу отъ азіатскихъ хищниковъ, какъ европейскій авангардъ и первый постъ цивилизаціи. И если сербы, какъ и другіе южные славяне, отстали отъ своихъ западныхъ сосѣдей, то нужно помнить, что они самоотверженно исполняли дѣло охраны Европы отъ Азіи, которому иначе должны были бы посвятить свои силы германцы, французы, итальянцы.

Возрожденная Сербія въ 19 вѣкѣ бодро и энергично смотрѣла впередъ. Лишь одно обстоятельство омрачало свѣтлые горизонты этого народа. Это—та же трагедія, которая тяжкимъ гнетомъ легла и на все славянство, т. е. его разобщенность. Живое тѣло единого, почти восьмимилліоннаго, сербскаго племени разбито, растерзано на необъединенныя части: сербское королевство, Черногорія, хорваты (тѣ же сербы, но воспринявшіе католическую культуру), сербы Старой Сербіи, наконецъ—Боснія и Герцеговина. Мечта объ объединеніи этого раздробленнаго народнаго тѣла сдѣлалась долгомъ совѣсти и національнаго самосознанія сербовъ королевства.

Но дѣйствительность безжалостно разбила завѣтную мечту. На берлинскомъ конгрессѣ 1878 г., благодаря непростительному попустительству русской дипломатіи, Европой была нанесена сербамъ жестокая и незаслуженная обида. Боснія и Герцеговина были оккупированы Австріей, и новымъ гнетомъ легло на нихъ нѣмецкое поработеніе. Тягостное положеніе сербскаго населенія въ этихъ областяхъ краснорѣчиво выражено въ народной сербской пословицѣ: „Србинъ коси, Шваба носи; Србинъ бере, Шваба ждере“ (т. е. сербинъ косить, швабъ носить; сербинъ собираетъ, швабъ пожираетъ). Бѣдный сербскій народъ сдѣлался несчастной жертвой создавшейся такимъ образомъ политики.

Пять лѣтъ тому назадъ Боснія и Герцеговина были окончательно превращены Австріей въ свои провинціи. А теперь занесена дерзкая нѣмецкая рука и надъ сербскимъ королевствомъ. И вотъ тамъ, гдѣ Дунай и Сава сейчасъ обогрены потоками человѣческой крови, трепещетъ и съ невѣроятнымъ напряженіемъ бьется за свою свободу героическій народъ съ подавленными, но живыми, душой и тѣломъ.

Нужно ли говорить объ условіяхъ политическаго существованія другихъ славянскихъ народовъ: словаковъ, словинцевъ, галичанъ, крошечнаго полутораста-тысячнаго народа лужицкихъ сербовъ и др.? Какъ ни живо проявляется въ ихъ литературахъ струя національнаго возрожденія, но что могутъ сдѣлать они, вращаясь мелкими драбантами въ нѣмецкой планетной системѣ?

Такимъ образомъ, современное славянство, кромѣ великой Россіи, можно сравнить съ человѣкомъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Онъ сохранилъ свою живую душу, но его обезсилили враги. Они открыли у него жилы и выпускаютъ изъ нихъ кровь, переливая ее въ себя для обновленія и укрѣпленія своихъ жизненныхъ силъ...

Эта печальная картина вызываетъ цѣлый рядъ острыхъ вопросовъ. Неужели наши братья славяне—лишніе, грустные люди въ семьѣ народовъ? Неужели ихъ исторія, несмотря на всю ихъ отчаянную борьбу, окончательно не удалась? Неужели славянскіе народы не могутъ существовать самостоятельно и должны или раствориться въ нѣмецкомъ народѣ, или вѣчно по чужимъ задворкамъ собирать культурную пищу,

Подобно нищей развращенной,
Молящей лепты незаконной,
Съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ?

Но достаточно ознакомиться съ литературой, искусствомъ, различными формами творчества славянскихъ народовъ, чтобы видѣть, какъ напряженно, рѣзко, можно сказать—болѣзненно, выражено національное самосознаніе у всѣхъ ихъ. Это самосознаніе тѣмъ острѣе проявляется, чѣмъ больше оно угнетается, и въ немъ—залогъ живого развитія славянскихъ народовъ.

Но если такъ, если славянство не перестаетъ жить напряженной духовной жизнью и не теряетъ своего нацио-

нальнаго самосознанія, то въ чемъ причины его безотрадной политической доли? Историческимъ анализомъ можно было бы вскрыть не мало такихъ причинъ—и внѣшнихъ, и внутреннихъ. Намъ хотѣлось бы остановиться лишь на одной изъ нихъ. Не рискуя впасть въ сокращеніе исторической перспективы, ее можно считать, кажется, самой существенной. Имѣемъ въ виду крайнюю разобщенность славянства, взаимную вражду и борьбу, которыя красной нитью проходятъ черезъ всю славянскую исторію.

Еще византійскіе и арабскіе писатели замѣтили у подунайскихъ и черноморскихъ славянъ, въ самомъ началѣ ихъ исторіи эту черту, сдѣлавшуюся для дальнѣйшаго ихъ развитія роковою. Славяне,—говорили византійцы,—не терпятъ никакого повелителя и преслѣдуются взаимной ненавистью: ни въ чемъ они между собою не согласны. Если бы славяне не были такъ раздроблены,—разсуждали арабскіе писатели,—то не могъ бы съ ними помѣриться ни одинъ народъ въ мірѣ...

Въ VIII в. Карль Великій, создавъ сильную франкскую державу, покорилъ западныхъ и юго-западныхъ славянъ и сдѣлалъ ихъ своими данниками. Съ тѣхъ поръ нѣмцы приобрѣли вліяніе въ славянскихъ земляхъ и стали хозяйничать въ нихъ, а славяне сплошь и рядомъ помогали нѣмцамъ другъ противъ друга. Въ 789 г. въ войскѣ Карла, выступившемъ противъ лютичей, находились сербы и ободричи со своимъ княземъ Волчакомъ. Подобные факты повторялись въ исторіи очень часто. Стоило только какому нибудь сильному славянскому князю вывести славянъ изъ примитивнаго быта, сплотивъ ихъ силы въ государство для сопротивленія нѣмцамъ,—и такое государство возбуждало непріязнь и соревнованіе прежде всего у самихъ же славянъ, и они спѣшили на помощь нѣмцамъ.

Въ IX в. образовалось сильное Моравское государство, независимое отъ нѣмцевъ, но оно не нашло достаточно поддержки ни у чеховъ, ни у паннонскихъ славянъ, ни даже у племянника Ростислава—Святополка, измѣннически выдавшего своего дядю нѣмцамъ. А попытка солунскихъ братьевъ свв. Кирилла и Меодія создать мораванамъ религіозно-культурную независимость путемъ выработки славянскаго церковнаго и литературнаго языка разбилась о пренебрежи-

тельное отношеніе Святополка къ славянскому языку, какъ языку грубому, простонародному, въ противоположность аристократическимъ—нѣмецкому и латинскому.

Черезъ сто лѣтъ послѣ этихъ событій польскій князь Болеславъ подумалъ о созданіи сильной западно-славянской державы, какъ оплота для разрозненныхъ подъ нѣмецкими вліяніями западныхъ славянъ, но лютичи и чехи пришли на помощь противъ него къ нѣмецкому королю.

Въ концѣ XIII в. чешскій король Премысль Оттокаръ въ своей послѣдней борьбѣ съ Рудольфомъ Габсбургомъ (1278) взывалъ къ современной Польшѣ о помощи противъ общаго врага славянъ — „ненасытной пасти нѣмцевъ“ (*insatiabilis Teutonicorum hiatus*), которые послѣ подавленія чеховъ бросятся на Польшу и сдѣлаютъ съ нею то же, что и съ чехами.

Въ подобномъ же смыслѣ взывали чехи къ Польшѣ на канунѣ гибели своего государства, въ XVI в., умоляя помочь имъ во имя единства народа и языка. Но между Чехіей и Польшей уже печальной тѣнью легло вѣроисповѣдное различіе, и взаимной поддержки въ достаточной степени другъ другу онѣ оказать не могли.

Трудно было Польшѣ внять голосу „еретиковъ“, хотя и славянскихъ.

Наконецъ, „ненасытная пасть нѣмцевъ“ раскрылась и на безпомощную Польшу...

Было бы неумѣстно здѣсь входить въ оцѣнку вѣсѣхъ этихъ явленій западно-славянской исторіи. Достаточно отмѣтить только то явленіе, что славяне больше, чѣмъ цѣлое тысячелѣтіе, „безсознательно и сознательно, добровольно и поневолѣ“, благодаря своему раздѣленію, закрѣпощали себя подъ властью и гнетомъ нѣмцевъ, какъ бы подтверждая торжественное пророчество нѣмецкихъ епископовъ, провозгласившихъ: *Slavi sive velint, sive nolint, regno nostro subacti erunt* (славяне захотятъ или не захотятъ, будутъ подчинены нашему господству).

Не лучше обстояло дѣло и у южныхъ славянъ. Съ древнѣйшихъ временъ Болгарія и Сербія вели борьбу съ перемѣннымъ успѣхомъ, пока въ XIV—XV в. не сдѣлались общей добычей турецкихъ завоевателей—мусульманъ. И въ новѣйшее время, какъ только тотъ и другой народъ вышелъ

на путь политической независимости, съ прежней силой разгорѣлась ихъ былая борьба. Очутившись подъ непосредственной властью нѣмцевъ или въ сферѣ ихъ политическаго, экономическаго и культурнаго вліянія, они не могутъ противопоставить силѣ нѣмецкаго вліянія своихъ объединенныхъ силъ.

Было бы излишне останавливаться на отдѣльныхъ фактахъ сербско-болгарскихъ отношеній: они вѣкъ намъ хорошо памяты.

Даже среди современнаго македонскаго населенія нѣтъ единства въ настроеніи. Въ Македоніи можно встрѣтить не одну славянскую семью, въ которой одинъ братъ склоненъ считать себя болгариниомъ, а другой сербомъ. Національное раздѣленіе проникло тамъ даже въ ячейку общества—семью..

Такова печальная историческая дѣйствительность и таковы современные факты. Но эта дѣйствительность представляетъ собою лишь *тѣневую* сторону славянскихъ взаимоотношеній. Рядомъ съ нею черезъ всю исторію славянскихъ народовъ проходитъ *свѣтлая, лучезарная мечта* о тѣсномъ единеніи раздробленныхъ представителей славянской расы, которое мыслится, какъ самый надежный, послѣдній оплотъ въ борьбѣ ихъ за независимость. Эта золотая греза живетъ скрытою въ глубокихъ инстинктахъ славянскихъ народныхъ массъ и сплосъ и рядомъ настойчиво пробивается наружу въ дѣятельности отдѣльныхъ лучшихъ представителей славянскихъ народовъ, но всего больше она выразилась въ литературномъ творествѣ.

Среди западныхъ славянъ всегда были дальновидные люди, которые сознавали весь вредъ политическаго и культурнаго раздробленія славянства и взывали къ своимъ соплеменникамъ съ просьбой оставить раздоры и объединить свои силы противъ общаго врага—нѣмцевъ. Сколько разъ такіе призывы направляли другъ къ другу чехи и поляки. Такъ говорили въ минуты тяжелыхъ испытаній чешскіе государи: Болеславы, Премыслы, Оттокары, Юрій Подѣбрадскіе, Владиславы, Казиміры, Знаменитый Жижка сражался „за освобожденіе народа чешскаго и славянскаго“, а чешскіе гусситы стремились къ соединенію съ Польшей и Литвой, не желая оставаться подъ нѣмцами.

Какъ ни глубоко всегда разъединяла восточныхъ и за-

падныхъ славянъ вѣроисповѣдная разница, но Левъ Сапѣга предлагалъ отъ имени короля Сигизмунда III Москвѣ самый тѣсный союзъ. чтобы оба государя и всѣ жители Польши, Литвы и Москвы жили въ вѣчной, нераздѣльной любви, какъ люди одного языка и народа славянскаго. Король Іоаннъ Казиміръ былъ непрочь, чтобы избранъ былъ въ польскіе короли русскій царь Алексѣй для блага великаго славянскаго племени.

На протяженіи XIX в. было не мало польскихъ и чешскихъ писателей, проповѣдывавшихъ единеніе славянскихъ народовъ. Въ самомъ началѣ вѣка на берегахъ Вислы зазвучала славянская лира Воронича, который видѣлъ спасеніе своего народа въ славянской идеѣ. А нѣсколько лѣтъ спустя, подъ Карпатами, у словаковъ, связанныхъ мадьярскими кандалами, раздалась славянская лира надеждъ и мести Колара. Онъ вопить устами пророка Исаи: Господи, Ты размножилъ этотъ народъ, но Ты не увеличилъ его радости... Славянамъ нужны единодушіе и просвѣщеніе; тогда они будутъ первымъ народомъ въ мірѣ... Пусть воздвигнутъ они одну славянскую статую, головой которой была бы Россія... И какъ бы въ отвѣтъ на всѣ эти мечты русскій Хомяковъ пишетъ въ Москвѣ своего „Орла“ и свою „Оду“.

Южно-славянскіе народы, связанные между собою не только единствомъ крови, но и тѣснѣйшими узами православной вѣры, думая о печальномъ положеніи своемъ, также въ роковыя минуты своей исторіи, много разъ приходили къ мысли о необходимости объединенія, какъ о средствѣ для самостоятельнаго существованія, при чемъ это объединеніе понималось различно—и въ политическомъ, и въ культурномъ, и въ нравственномъ смыслѣ. Сербскій король Стефанъ Дечанскій (1330 г.) писалъ напавшему на него болгарскому царю Михаилу: „Почто труждаеши се погубляти болгарскіе и сербскіе роды?... И убо аще толико воинствененъ еси на варвары вооружай се, а не на Христовы людіе“.

Но издавна южные славяне свое вниманіе устремляли на Россію, которая сохранила знамя полной самостоятельности. Для нихъ весь „славянскій вопросъ“, въ своемъ идеалѣ, связанъ съ національными, культурными и матеріальными интересами Россіи. Подъ невыносимымъ гнетомъ турецкаго ига, они постоянно направляли свои встревоженные

взоры на славянскій востокъ, ища себѣ здѣсь опоры и спасенія.

Особенно сильно славянскія струны всегда звучали у сербо-хорватскаго народа. Славянская идея воодушевляла около половины XVII в. Юлія Пальмотича, обращавшаго свой голосъ къ „Мудрой Сѣверницѣ“—Россіи, а Юрій Крижаничъ обращался къ царю Алексѣю Михайловичу съ извѣстными словами: „На тебя одного славный царь смотреть весь народъ славянскій. Ты, какъ отецъ, изволь заботиться о своихъ растерянныхъ дѣтяхъ и собрать ихъ“... Народныя пѣсни сербскія проникнуты надеждами, мольбами и печалью, направленными къ Россіи. Сербскіе народные пѣвцы во время турецкаго ига издавна распѣвали на улицахъ и базарахъ: „Погодите, придетъ дядо Иванъ, придетъ Чичо, сѣверный Стрико, сильный братъ Русь, и разорветъ оковы наши“... И до какой степени сильны надежды сербскаго народа на единокровную и единовѣрную Русь, можно видѣть изъ того, что въ одномъ изъ сербскихъ монастырей на Фрушской горѣ еще недавно была икона, къ которой ходилъ молиться простой сербскій народъ, считая ее чудотворной: на этой иконѣ былъ изображенъ геній новой Россіи—Петръ Великій.

Таковы идеалы и мечты славянскихъ народовъ... И вѣра въ Россію, и порывы къ взаимному сближенію славянъ, спорадически проявлявшіеся въ исторіи, имѣютъ въ своей основѣ не только реальныя политическія данныя, но и самосознаніе славянъ, ощущеніе родства ихъ между собою. Пусть антропология не знаетъ единой славянской расы, но родственные инстинкты, быть можетъ, живутъ въ подсознательной области народной психики, вымогаясь наружу подъ вліяніемъ историческихъ потрясеній народной жизни, либо въ творческомъ созерцаніи художниковъ-поэтовъ.

Но историческая дѣйствительность, разобившая славянскіе народы, какъ видимъ, стоитъ въ противорѣчьи съ завѣтными славянскими мечтами объ единеніи. Это противорѣчіе лишаетъ „славянскій вопросъ“ той степени устойчивости, которая бы сдѣлала непоколебимыми славянскія мечты.

Объединятся ли лучшія грезы славянства съ живой жизнью, воплотится ли идеаль въ дѣйствительность?

Частичное осуществленіе этихъ идеальныхъ стремленій мы видѣли въ исторіи неоднократно. И наши дни, принесшіе съ собою объединеніе славянъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ—пангерманизмомъ, лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ, что эти грезы славянства въ извѣстные моменты исторіи могутъ быть живыми. Разумѣется, о такомъ единеніи славянъ, которое слило бы ихъ такимъ образомъ, какимъ 500 лѣтъ тому назадъ достигнуто было сплоченіе Италіи, или какимъ спаяны нѣмецкія племена Германіи, въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Оно и не нужно. Моментъ для такого объединенія пропущенъ славянской исторіей безвозвратно. Всѣ славянскія народности опредѣлились рѣзкими національными и вѣроисповѣдными чертами, и свободнымъ развитіемъ славянскихъ индивидуальностей лишь обогащается разнообразіе вкладовъ ихъ въ человѣческую культуру.

Славянская идея въ современномъ сознаніи есть идея свободного развитія силъ человѣческихъ и народныхъ, и потому ей чужда узкая національная исключительность. Русскому сознанію чужды узкій панславизмъ въ смыслѣ нѣмецкаго пангерманизма съ его претензіями на міровое полновластіе.

Деять столѣтій тому назадъ одинъ нѣмецкій лѣтописецъ занесъ въ свою лѣтопись замѣчательную фразу: „Нѣмцы добиваются славы и великой и обширной державы, а славяне сражаются за свободу и для избѣжанія крайняго рабства“. Такъ было въ древности, такъ происходитъ и теперь. Сражаясь за свободу и для избѣжанія рабства и объединяясь на этой почвѣ, славяне сражаются только за право своего народнаго и человѣческаго самоопредѣленія. Въ этомъ—общечеловѣческое значеніе славянской идеи.

Разумѣется, къ сближенію славянъ ведутъ и реальныя историческія условія. По крайней мѣрѣ, роль Россіи, какъ лучшаго и вѣрнаго друга балканскихъ и западныхъ славянъ—не призрачная, не выдуманная, не преувеличенная, а вытекающая изъ исторіи и изъ собственныхъ реальныхъ интересовъ русскаго государства. Россія никогда не можетъ измѣнить этой великой идеѣ, во что такъ горячо вѣрилъ Достоевскій, потому что она должна жить, по его выраженію, „великой жизнью“ и „высшей жизнью“. Она не можетъ никогда своихъ братьевъ-славянъ никому „ни передать, ни предать, ни продать“ (А. А. Кирѣевъ)...

И если золотыя грезы о единеніи и дружбѣ славянскихъ народовъ для борьбы съ притязаніями германскаго міра готовы хоть отчасти воплотиться въ дѣйствительность, то способенъ возникнуть вопросъ: не отойдутъ ли со временемъ въ прошлое, не потонуть ли во тьмѣ минувшихъ дней кровавыя призраки бывшихъ славянскихъ раздоровъ? И самыя эти раздоры не были ли въ прошломъ результатомъ часто скорѣе *избытка* національнаго самосознанія, болѣзненно изощреннаго исторіей, чѣмъ его *недостатка*.

Въ заключеніе хотѣлось бы еще разъ перенестись мыслью и чувствомъ туда, гдѣ

Берегъ синіго Дуная
И тучи темныя Балканъ,

гдѣ маленькій по количеству, но великій своимъ геройскимъ духомъ, многострадальный сербскій народъ въ настоящее время творить чудеса отваги въ борьбѣ съ сильнымъ и могучимъ врагомъ. На аренѣ ужасной борьбы, въ кровавомъ туманѣ смерти, свѣтлой и живой силой поднялся во весь свой ростъ народный геній сербскаго народа. Этотъ народъ передъ всѣмъ міромъ выступаетъ теперь въ двойномъ ореолѣ— великаго страданія и великаго героизма. Это — тѣ два свойства, которыми наполнена вся сербская исторія, которыми проникнуто народное сербское творчество, которыя составляютъ живой нервъ и настоящей войны. Черезъ вѣка страданій сербскій народъ пронесъ свою живую душу, и, дасть Богъ, его героизмъ превозможетъ врага...

Та сила, которая всегда хранила этотъ народъ, прекрасно сознана его чуткимъ коллективнымъ инстинктомъ. Есть превосходная сербская пѣсня „Пропасть царства срѣскога“ (Вук. Караджичъ, Пјесме, 2 изд., 2 т., стр. 295), въ которой выражено народное воззрѣніе сербовъ на свою историческую судьбу. Передъ Косовымъ св. Илья принесъ царю Лазарю письмо отъ Богородицы: „Царь Лазарь, честное колѣно! Какое ты хочешь избрать себѣ царство? Хочешь ли царство небесное, или хочешь царство земное? Если хочешь царство земное, сѣдай коня, подвяжи колѣна; вооружитесь, витязи, саблями и нападайте на турокъ; все погибнетъ турецкое войско. Если же хочешь небесное царство, то сооруди на Косовѣ церковь; не клади ей основаніе изъ мрамора, но изъ чистаго шелка и багряницы; потомъ причасти и устрой

войско; все твое погибнетъ войско, и ты, князь, съ нимъ погибнешь“. Царь Лазарь подумалъ и предпочелъ себѣ и своему народу царство небесное:

Земальско је за малено царство,
А небеско у век и до века...

Небесное царство здѣсь—это та святыня души, та свобода внутренняго человѣческаго достоинства, то глубокое народное самоопредѣленіе, которыя безсильно сломить самое тяжелое политическое порабощеніе. Если бы сербы измѣнили своей народности, отказались отъ своей вѣры, приняли исламъ или католичество, они, конечно, въ прошломъ были бы свободны отъ мусульманскаго ига. Но компромиссы и сдѣлки съ высшими народными началами, съ святыней народной души не свойственны сербскому народу, хотя, разумѣется, у него въ прошломъ было не мало историческихъ и политическихъ ошибокъ. И будучи вѣрны своимъ народнымъ началамъ, сербы въ самые тяжелые годы рабства, думая о себѣ, не забывали и объ общечеловѣческомъ — о „добрѣ човјечанства“. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ ихъ эпосы.

И сейчасъ сербскій народъ горячо вѣрить въ торжество своей правды. Но есть предѣлъ и вѣрѣ народной, какъ есть граница и человѣческому героизму... Сочувствіе русскаго народа—искренняго друга сербовъ—да послужить имъ опорой и поддержкой...

Оттуда, съ синяго Дуная и темныхъ Балканъ, слышится голосъ придавленнаго Остана: „Слышишь-ли, батько?“ — „Слышу“—отвѣчаетъ ему русскій народъ.

* * *